

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИЦ, ЗАНИМАЮЩИХ ВЫСШЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ (СТАТЬЯ 210.1 УК РФ)

Сергей Александрович Бажутов

Генеральная прокуратура РФ, Москва, Россия
12gusu@genproc.gov.ru

Аннотация. Совершенствование уголовно-правового механизма противодействия преступной деятельности руководителей организованной преступности — важнейшее направление уголовной политики на современном этапе. В статье отмечается, что установление уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ) — социально обусловленное и ожидаемое законодательное решение, направленное на усиление противодействия организованной преступности.

Автором рассмотрены проблемы квалификации этого преступления. Особое внимание уделено таким оценочным признакам как «преступная иерархия» и «высшее положение» в ней, что влечет определенные трудности применения нормы в практической деятельности. На основе судебной практики и результатов криминологических исследований дана подробная характеристика субъектам указанных преступлений и такому криминальному явлению как «преступная иерархия». Проанализирована объективная сторона преступления, которая выражается в приобретении лицом соответствующего криминального статуса — высшего положения в преступной иерархии с последующим пребыванием в нем. Автором обоснован вывод о делящемся характере преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, рассмотрены вопросы его юридического и фактического окончания, а также о соотношении с деянием, предусмотренным ч. 4 ст. 210 УК РФ.

Ключевые слова: организованная преступность, лидеры преступной среды, высшее положение в преступной иерархии

Для цитирования: Бажутов С. А. Актуальные проблемы уголовной ответственности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии (статья 210.1 УК РФ) // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 3 (42). С. 155–161. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-42-3-155-161

Research article

ACTUAL PROBLEMS OF CRIMINAL LIABILITY OF PERSONS OCCUPYING THE HIGHEST POSITION IN THE CRIMINAL HIERARCHY (ARTICLE 210.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Sergey A. Bazhutov

Office of the Prosecutor General of the Russian Federation, Moscow, Russia
12gusu@genproc.gov.ru

Abstract. Improving the criminal law mechanism for countering the criminal activities of organized crime leaders is the most important area of criminal policy at the present stage. The article notes that the establishment of criminal liability for occupying the highest position in the criminal hierarchy (Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) is a socially conditioned and expected legislative decision aimed at strengthening the fight against organized crime.

The author considers the problems of qualification of this crime. Special attention is paid to such evaluative features as the “criminal hierarchy” and the “highest position” in it, which entails certain difficulties in applying the norm in practice. Based on judicial practice and the results of criminological research, a detailed description of the subjects of these crimes and such a criminal phenomenon as the “criminal hierarchy” is given. The objective side of the crime is analyzed, which is expressed in the acquisition by a person of the appropriate criminal status — the highest position in the criminal hierarchy with subsequent stay in it. The author substantiates the conclusion about the continuing nature of the crime provided for in Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, considers the issues of its legal and actual termination, as well as the relationship with the act provided for in Part 4 of Article 210 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: organised crime, leaders of the criminal environment, highest rank in criminal hierarchy

For citation: Bazhutov SA. Actual problems of criminal liability of persons occupying the highest position in the criminal hierarchy (Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2024;(3):155-161. (In Russ.) DOI: 10.47475/2311-696X-2024-42-3-155-161

Введение

Организованная преступность представляет собой одну из серьезных угроз национальной безопасности России. Несмотря на принимаемые правоохранительными органами меры это крайне опасное социально-правовое явление продолжает оставаться тревожной реальностью общественной жизни и значимой государственной проблемой.

Существенную роль в дестабилизации правопорядка играют лидеры организованных преступных групп и сообществ. Благодаря непререкаемому авторитету в преступном мире криминальные руководители регулируют и направляют преступную деятельность, контролируют распределение незаконных доходов, в том числе от продажи наркотиков, оружия, обеспечивают устойчивость преступных традиций и обычаев, оказывая негативное влияние на многие общественные институты.

В этой связи совершенствование уголовно-правового механизма противодействия преступной деятельности руководителей организованной преступности — важнейшее направление уголовной политики на современном этапе.

Материал и методы

В статье использованы нормативные правовые акты, регламентирующие вопросы уголовно-правового регулирования ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии, специальная литература и актуальная судебная практика по предмету исследования. Основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы научного познания, анализ теоретических и нормативных правовых источников, статистический, герменевтический методы.

Описание исследования

В апреле 2019 г. Уголовный кодекс дополнен статьей 210.1, в которой предусмотрена уголовная ответственность уже за сам факт занятия высшего положения в преступной иерархии. Необходимо отметить, что еще в 2009 г. в ч. 4 ст. 210 УК РФ установлена повышенная уголовная ответственность для организаторов и руководителей преступных сообществ, занимающих высшее положение в преступной иерархии.

Введение в УК РФ ст. 210.1 вызвало неоднозначную реакцию в научном сообществе. Некоторые криминалисты подвергли анализируемую уголовно-правовую норму критике, усмотрев нарушение принципов законности и справедливости [8, с. 54–58; 7, с. 34–44]. По их мнению, данная законодательная новелла противоречит теории криминализации, поскольку факт занятия высшего положения в преступной иерархии является

не деянием, а характеристикой личности, пусть и максимально асоциальной.

Однако ряд других ученых поддержал решение законодателя [3; 4; 5].

Так, В. Н. Бурлаков и В. Ф. Щепельков пишут: «Конструкция состава преступления, предусмотренного статьей 210.1 УК РФ, обусловлена прежде всего и в основном повышенной степенью общественной опасности собственно занятия высшего положения в преступной иерархии, ибо такой статус, будучи характеристикой самого преступного сообщества, детерминирует совершение тяжких или особо тяжких преступлений. Именно создание реальной возможности причинения большего вреда, определяемое повышенной общественной опасностью лидера преступного сообщества, и выступает основанием для уголовной ответственности за занятие такого положения» [4, с. 468].

Весомые аргументы приводит В. Н. Борков. Он пишет: «Было бы неверно состав, описанный в ст. 210.1 УК РФ, рассматривать исключительно как состав опасности. Занятие высшего положения в преступной иерархии не только угрожает правоохраняемым интересам, но и предполагает организационную, воспроизводящую преступность деятельность виновного» [3, с. 13].

Согласны с этой позицией. Установление уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии — социально обусловленное и ожидаемое законодательное решение, направленное на усиление противодействия организованной преступности.

Конечно, новая норма не идеальна. Однако следует учитывать, что избранный законодателем способ криминализации связан с существенными сложностями в процессе доказывания преступной деятельности криминальных лидеров, которые, как правило, сами непосредственно не совершают конкретных преступлений, а осуществляют управленческие функции в преступной среде, действуя через функционеров ее среднего звена.

Если раскрытие преступлений, предусмотренных ст. 210 УК РФ, как правило, идет по пути от преступления к лицу (от установления конкретных общеуголовных деяний, например, вымогательств, убийств, к доказыванию деятельности преступных организаций и их лидеров), то новая норма, и в этом ее ценность, позволяет органам уголовного преследования при изобличении виновного использовать другую схему доказывания: от лица к преступлению (на первоначальном этапе здесь важное значение имеют результаты ОРМ и оперативная информация о наличии в уголовной среде криминальных авторитетов и руководителей преступных сообществ).

Статья 210.1 УК РФ оказалась востребована на практике. Скептические прогнозы некоторых специалистов

о том, что эта норма повторит судьбу ч. 4 ст. 210 УК РФ, которая применяется крайне редко¹, не оправдались. Новая статья дала возможность привлечь к уголовной ответственности лидеров преступной среды во многих регионах страны.

Так, за период с 2020 г. по 2023 г. судами субъектов Российской Федерации по ст. 210.1 УК РФ осуждено 74 лица. Оправдано по этой статье 18 лиц. Подавляющее большинство оправдательных приговоров — 15 — отменено вышестоящими судами по представлениям прокуроров, одно дело в апелляционном порядке еще не рассмотрено².

Трудности в применении нормы, безусловно, имеются. В первую очередь они касаются неопределённости обозначенных в статье признаков. Такие понятия как «преступная иерархия», «высшее положение» нигде не определены и являются оценочными.

Под «преступной иерархией» в специальной литературе понимается система, определяющая структуру подчинения и взаимоотношений лиц, придерживающихся принятых в криминальной среде правил и традиций. Существующий негласный «табель о рангах» (стратификация) закрепляет положение в иерархии того или иного члена криминального сообщества [11, с. 182].

Таким образом, преступная иерархия связана с такими криминальными явлениями, как преступная среда, которая, в свою очередь, характеризуется преступными традициями и правилами, определенной субкультурой и пр.

В одном из судебных решений при описании совершенного осужденным преступления, предусмотренного статьей 210.1 УК РФ, содержится следующая характеристика обозначенных антиобщественных явлений: «уголовно-преступная среда (криминальная среда) — это сложившаяся и относительно устойчивая часть социальной среды, источником существования и воспроизводства которой являются доходы от преступной деятельности. Она активно противостоит мерам государственного и общественного контроля, состоит из лиц с асоциальным (преступным) прошлым и настоящим, значительная часть которых отбывала наказание в местах лишения свободы». «Сложившаяся система взаимоотношений лиц, совершающих преступления и соблюдающих криминальные правила и традиции, в зависимости от их статуса — это есть определенный порядок подчинения низших элементов этой системы высшим; система, определяющая структуру подчинения и взаимоотношения лиц, придерживающихся принятых в криминальной среде правил и традиций, является преступной иерархией»³.

¹ По имеющимся данным, за весь период действия ч. 4 ст. 210 УК РФ всего осуждено 4 лица (дела рассмотрены в Алтайском крае, Архангельской области, Республике Коми и Забайкальском крае).

² Используются данные оперативного учета прокуратур субъектов Российской Федерации.

³ Приговор Верховного Суда Республики Коми от 17.02.2023 по делу Абдурагимова // Верховный Суд РФ. URL: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2322072 (дата обращения: 17.02.2024).

Преступную иерархию не следует отождествлять с тюремной иерархией. По объему она шире тюремной, поскольку охватывает преступную деятельность ее членов и за пределами пенитенциарных учреждений.

В доктрине нет единого мнения по поводу того, кого же следует считать субъектами данного преступления.

Главенствующими в профессиональном ядре преступников, составляющих воровское сообщество, считаются «воры в законе». Пожалуй, ни у кого из ученых и правоприменителей не вызывает сомнений то, что они относятся к категории лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии.

«Воры в законе» — идейные преступники. Они являются хранителями воровских традиций, «законодателями» и «арбитрами» преступного мира, считают исправительные учреждения своей вотчиной. Присвоение им указанного статуса происходит путем специальной неформальной процедуры («коронавания»), которую осуществляют другие «воры в законе».

Известный российский криминолог А. И. Долгова предлагала следующую характеристику «ворам в законе»: «Вор в законе» — термин, ныне обозначающий лидера организованной преступной среды. Данный «титул» получает активный криминальный деятель, доказавший свою верность преступным идеям, связям, соучастникам, выполняющий широкие организаторские функции в преступной среде... Как правило, вор в законе — это высокопрофессиональный преступник, умело конспирирующий свою деятельность. Криминальный профессионализм таких лиц проявляется не только в умении профессионально вскрывать сейфы, но также в организации преступной деятельности значительного круга лиц и в широких масштабах» [6, с. 361, 362].

Полагаем, что к лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии, необходимо относить и других криминальных авторитетов, обладающих широкими управленческими функциями в преступной среде, — так называемых «положенцев» и «смотрящих», хотя не все ученые разделяют эту позицию [2, с. 9–14; 10, с. 75–81].

«Положенцы» — это лица, находящиеся на положении «вора в законе». Они имеют право принимать решения в отсутствие «вора в законе» и от его имени. Круг их полномочий, с определенными изъятиями, практически такой же, как и у «воров».

«Смотрящие» — лица, наделенные правом принимать решения по определенному направлению или сфере деятельности на определенной территории. Например, смотрящие за конкретным исправительным учреждением, смотрящие за «общаком», смотрящие за конкретным городом, областью.

Правоприменительная практика также придерживается такого подхода. Так, из 74 осужденных по ст. 210.1 УК РФ криминальный статус «вор в законе» был у 34 лиц, «положенец» и «смотрящий» — у 40 лиц⁴.

⁴ См.: ГП РФ: перед судом предстало 34 «вора в законе» с момента введения специальной статьи // РАПСИ. URL: https://rapsinews.ru/incident_news/20240216/309627692.html (дата обращения: 17.02.2024).

Например, Верховным Судом Республики Башкортостан 09.06.2023 Ифраимов осужден по ст. 210.1 УК РФ. В 2009 г. в результате неформальной процедуры, основанной на криминальных традициях, он признан так называемым «положенцем», за ним определена зона преступного влияния в пределах территории Республики Башкортостан. Находясь в указанном статусе, Ифраимов формировал воровскую кассу — «общак», создавал благоприятные условия для лиц, содержащихся в местах лишения свободы, назначал на криминальные должности¹.

Пензенским областным судом 28.06.2023 Иноземцев, помимо прочего, осужден по ст. 210.1 УК РФ. В 2019 г. одним из лидеров преступной среды он был наделен статусом «смотрящего» в пределах территории г. Каменки и Каменского района Пензенской области. Выполняя свои преступные функции «смотрящего» на указанной выше территории, Иноземцев формировал криминальную кассу («общак»), разрешал конфликтные ситуации, возникающие в уголовно-преступной среде, применял меры ответственности к виновным лицам².

В. В. Бычков помимо указанных трех категорий («воров», «положенцев» и «смотрящих») выделял также «блатных» (авторитетов, бродяг, арестантов, жуликов, правильных, босяков) и «держателей общака» [5, с. 31].

В этой связи хотелось бы отметить, что «блатные» и «бродяги» — обобщенные собирательные названия, используемые в воровском сообществе. Вряд ли целесообразно отдельно выделять их для характеристики субъекта преступления, предусмотренного статьей 210.1 УК РФ. Согласно криминальной субкультуре к кассе «блатных» относят «воров в законе», «бродяг», «босяков», «положенцев», «смотрящих», «арестантов» и пр. [1, с. 19]. «Бродягами» же в целом называют профессиональных преступников, придерживающихся воровских правил и традиций.

Для иллюстрации изложенного приведем содержание так называемого «воровского прогона» — специального обращения криминальных лидеров, адресованного другим осужденным (с сохранением орфографии):

«Воровской прогон!

Приветствую Всех порядочных Арестантов! Мужиков, и всю молодежь кто в первые попал в неволю, всех тех, кто в нашей жизни живет воровским, свято блюдя традиций и придерживаются всех основ Воровского, от имени всей Воровской семьи обращаюсь ко всем Вам Бродяги с настоящими воровскими прогонами. Все изложенное касается уклада Арестантской жизни в неволе, в целом Бродяг. Преступный мир есть собственное государство, в котором такое как честь, совесть, порядочность являются самым главным законом жизни людей о нем» [6, с. 372].

¹ См.: Суд в Башкирии приговорил криминального авторитета к девяти годам колонии. URL: <https://www.ufa.kp.ru/online/news/5309577/> (дата обращения: 17.02.2024).

² См.: Пензенский областной суд. URL: https://oblsud.pnz.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=853 (дата обращения: 17.02.2024).

Что касается «держателей общака», то управление «воровской кассой» — одна из функций «воров в законе» и «положенцев». Этой функцией могут наделяться и другие представители воровского сообщества, что связано, как правило, с присвоением им статуса «смотрящего» («смотрящего за общаком»).

Конечно, лидеры преступной среды могут называть себя по-разному, да и обозначение их криминальных статусов может измениться со временем.

В связи с этим согласны с высказанным А. А. Шиковым мнением о том, что «при определении принадлежности к лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии, следует руководствоваться не столько субкультурным именованием, сколько характером совершаемых лицом действий, степенью влияния на других преступников, наличием устойчивых связей в преступной среде» [16, с. 83].

В научной литературе предложена следующая система признаков принадлежности лица к высшей ступени преступной иерархии:

1) *функциональные* (выполнение организационно-распорядительной, нормативной, судебной и карательной функций);

2) *статусные* (назначение в соответствии с правилами криминальной субкультуры воров в законе, положенцем, смотрящим);

3) *атрибутивные* (наличие клички, татуировок, аксессуаров и т. п.) [9, с. 30].

Лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, должно обладать влиянием на широкий круг лиц, осуществляющих преступную деятельность на территории конкретного субъекта или нескольких субъектов Российской Федерации, отдельных населенных пунктов или в определенной сфере преступной деятельности.

Практика применения анализируемой нормы идет по пути признания в качестве лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, руководителей воровского сообщества. Однако уголовный мир сложен и многообразен. Организованная преступность не ограничивается воровским движением. В этом смысле субъектами преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, которая сформулирована довольно широко³, на наш взгляд, могут признаваться и так называемые «бандитские авторитеты» — криминальные лидеры, не признающие воровского движения; различные криминальные функционеры, если будет установлено, что они имеют широкие управленческие функции в преступной среде и свою противоправную деятельность осуществляют в условиях жесткой иерархии со сложной системой подчинения низших звеньев высшим.

Такие преступники могут не иметь судимостей и тюремных татуировок, не принадлежать к воровскому сообществу, не придерживаться характерной для

³ В отличие от схожей нормы УК Грузии, которая сформулирована более узко — «пребывание лица в положении вора в законе» (ч. 2 ст. 223.1 УК Грузии).

него идеологии и криминальной субкультуры, более того противостоять ему и делить сферы влияния с ним. Организованная преступная деятельность таких криминальных лидеров и воровских авторитетов по своей сути идентична.

Вместе с тем, пока это только наше мнение, которое имеет дискуссионный характер¹. На сегодняшний день такие криминальные руководители по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 210.1 УК РФ, не проходят.

В диспозиции статьи объективная сторона преступления описана как занятие высшего положения в преступной иерархии.

Как отмечается в юридической литературе, само слово «занятие» можно истолковать двояко:

- во-первых, как результат получения преступником высшего положения в преступной иерархии;
- во-вторых, как длящееся действие, заключающееся в том, что лицо, получив соответствующий криминальный статус, продолжает обладать им.

Буквальное толкование нормы, на наш взгляд, позволяет считать, что объективная сторона преступления выражается в приобретении лицом соответствующего криминального статуса — высшего положения в преступной иерархии с последующим пребыванием в нем.

Замысел законодателя, установившего названный уголовно-правовой запрет, состоит в возможности привлечения к уголовной ответственности лидеров преступной среды безотносительно к тому, совершены ли ими лично какие-либо преступления: кражи, вымогательства, убийства и т. д., а равно руководили ли они деятельностью конкретного преступного сообщества в контексте ч. 4 ст. 210 УК РФ.

В этом смысле возникает вопрос: требуется ли установление конкретных действий по использованию лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, своего криминального статуса, реализации имеющихся криминальных полномочий?

Состав преступления, предусмотренный ст. 210.1 УК РФ, сконструирован как формальный. Реализация криминальных функций и использование полномочий, присущих лицам, наделенным высшим положением в преступной иерархии, как представляется, является не столько признаком состава преступления, сколько служит индикатором наличия у виновного соответствующего криминального статуса.

В этой связи по большинству уголовных дел суды не только устанавливают обстоятельства приобретения лицом высшего криминального статуса в преступной иерархии и наличие соответствующих этому положению функций, но и отражают в приговоре конкретные действия, свидетельствующие об использовании виновным криминальных полномочий. Такой подход находим

¹ К аналогичным, по сути, выводам приходит и Т. Якушева, обращая при этом внимание на необходимость выяснения степени влияния и авторитета указанных лиц в преступной среде, а также объема их полномочий, которыми они наделены в этой среде [17].

правильным, поскольку в силу положений ст. 14 УК РФ преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом под угрозой наказания.

Например, Саратовским областным судом 01.06.2021 Асатрян признан виновным по ст. 210.1 УК РФ в том, что получив в 2008 г. негласный высший криминальный статус в преступной иерархии «вор в законе», с этого времени, в том числе после введения в действие Федерального закона от 01.04.2019 № 46-ФЗ, добился признания «авторитета» в преступной среде, реализовывал функции согласно занимаемому высшему положению в преступной иерархии: назначал своих доверенных лиц так называемыми «смотрящими» в исправительных учреждениях, разрешал спорные вопросы, инициировал акты массового нарушения осужденными режима содержания².

Анализируемые деяния имеют все признаки длящегося преступления, поскольку выражаются в непрерывном осуществлении состава преступления после его юридического окончания.

Судебная практика подтверждает этот вывод. На длящийся характер указанных преступлений неоднократно указывал Верховный Суд РФ в кассационных определениях по конкретным делам данной категории³.

Как и все длящиеся преступления, такие деяния имеют двойное окончание: юридическое (когда в содеянном имеются все признаки состава) и фактическое, с которого подлежат исчислению сроки давности уголовного преследования.

Юридически деяние будет окончено тогда, когда лицо приобрело высшее положение в преступной иерархии и имеет возможность влиять на преступную среду, будучи наделенным специфическими криминальными полномочиями.

Основываясь на разъяснениях, содержащихся в недавно принятом постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 12.12.2023 № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о длящихся и продолжаемых преступлениях»⁴, можно заключить, что преступление, предусмотренное ст. 210.1 УК РФ, будет считаться фактически оконченным с момента:

- утраты криминального статуса, прекращения выполнения лицом указанных функций и полномочий (например, смерть, лишение статуса);
- пресечения преступной деятельности правоохранительными органами.

С указанного момента и следует исчислять сроки давности уголовного преследования.

² См.: Саратовский областной суд. URL: https://obsud.sar.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=1698 (дата обращения: 17.02.2024).

³ См., напр.: Кассационные определения Верховного Суда РФ от 16.08.2022 № 20-УД22-6А3, от 15.11.2022 № 4-УД22-53-А1 // Верховный Суд РФ. URL: https://www.vsrfr.ru/stor_pdf.php?id=2138650 (дата обращения: 17.02.2024).

⁴ Верховный Суд РФ. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/33243/> (дата обращения: 17.02.2024).

При уголовно-правовой оценке преступлений, совершенных лидерами преступной среды, важно решить проблему соотношения ст. 210.1 УК РФ с ч. 4 ст. 210 УК РФ. Вопрос заключается в том, как квалифицировать действия лица, которое, занимая высшее положение в преступной иерархии после 12.04.2019 (после введения в действие ст. 210.1 УК РФ), руководило конкретным преступным сообществом?

Ряд криминалистов считает, что содеянное образует идеальную совокупность преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 210 УК РФ и ст. 210.1 УК РФ [12; 14].

Однако, указанный подход, на наш взгляд, сомнителен. По справедливому замечанию Е. В. Топильской, такая квалификация явно будет нарушать принцип *non bis in idem*. Ученый предлагает проблему избыточной квалификации в данном случае разрешить одним из двух способов: «либо исключить из УК РФ ч. 4 ст. 210, что даст возможность не применять ее по совокупности со статьей 210.1 УК РФ либо отказаться от последней» [13, с. 41].

Поддержать второй тезис данного автора не можем, поскольку, по нашему мнению, в обозначенной ситуации отсутствует правовая коллизия, а имеется конкуренция норм, которая без вмешательства законодателя может быть преодолена путем выбора для применения одной из этих норм, наиболее полно и точно отражающей социально-правовую сущность деяния.

Какой же вид конкуренции норм здесь присутствует, и какая из них должна быть применена?

Е. А. Хлебницына и Е. К. Шершакова усматривают здесь конкуренцию общей и специальной нормы, которая в силу ч. 3 ст. 17 УК РФ должна разрешаться в пользу ч. 4 ст. 210, выступающей, по их мнению, по отношению к ст. 210.1 УК РФ нормой специальной [15, с. 135].

Вывод о том, что содеянное полностью охватывается ч. 4 ст. 210 УК РФ, разделяем. Вместе с тем, сравнение анализируемых статей по объему и содержанию, позволяет заключить, что тут имеется другой вид конкуренции — *части и целого* (как известно приоритет имеет норма-целое). Статья 210.1 УК РФ, в которой криминализован сам факт занятия лицом высшего положения в преступной иерархии, по существу выступает

нормой, составляющей часть установленного в ч. 4 ст. 210 УК РФ уголовно-правового запрета, в которой ее признаки учтены¹.

При таких условиях есть основания рассматривать ст. 210.1 УК РФ в качестве резервной нормы, которая, как представляется, подлежит применению при отсутствии (недоказанности) в действиях виновного, обладающего соответствующим криминальным статусом, признаков ч. 1 или ч. 1.1 ст. 210 УК РФ.

Заключение и выводы

С целью повышения эффективности противодействия организованной преступности необходимо совершенствовать как правоприменительную практику, так и действующее законодательство.

Весьма актуальным является выработка единых правовых подходов при квалификации указанных преступлений.

Большую практическую ценность в этом вопросе имели бы разъяснения Пленума Верховного Суда по делам данной категории. Судебная практика активно формируется и в скором времени будет достаточной для разработки соответствующих рекомендаций.

Как представляется, требуется также принятие базового нормативного акта, определяющего концепцию борьбы с организованной преступностью, в котором следует закрепить принципы, формы и методы противодействия этому криминальному явлению, а также соответствующий понятийный аппарат, в том числе термины, содержащиеся в диспозиции ст. 210.1 УК РФ. Подобные законодательные акты имеются, к примеру, в Грузии, Кыргызстане, Республике Беларусь.

Повышенное внимание проблемам уголовной ответственности лидеров преступной среды уделяется и в юридической науке. Результаты научных исследований, без сомнения, имеют важное значение для совершенствования действующего законодательства и должны интегрироваться в практику его применения.

¹ Санкция ч. 4 ст. 210 УК, по сравнению с санкцией ст. 210.1 УК РФ, является более строгой, что также необходимо учитывать при разрешении данной проблемы.

Список источников

1. Александров Ю. К. Очерки криминальной субкультуры. Москва : Права человека, 2002. 148 с.
2. Белоцерковский С. Новый федеральный закон об усилении борьбы с преступными сообществами: комментарий и проблемы применения // Уголовное право. 2010. № 2. С. 9–14.
3. Борков В. Н. Занятие высшего положения в преступной иерархии: начало, содержание и конец преступления // Уголовное право. 2019. № 4. С. 11–16.
4. Бурлаков В. Н., Щепельков В. Ф. Лидер преступного сообщества и основание ответственности: постмодерн в уголовном праве // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 3. С. 465–476. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(3).465-476
5. Бычков В. В. Уголовно-правовая характеристика занятия высшего положения в преступной иерархии (статья 210.1 УК РФ) // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2019. № 3 (21). С. 26–31.
6. Долгова А. И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. Москва : Российская криминологическая ассоциация, 2003. 575 с.

7. Егорова Н. А., Егоров А. Г. Уголовная ответственность за занятия высшего положения в преступной иерархии // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 1 (52). С. 34–44. DOI: 10.25724/VAMVD.MGHI
8. Иванчин А. В. Оптимизация уголовно-правовых средств борьбы с организованной преступностью: критический анализ актуальных инициатив // Вестник ЯрГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 2 (48). С. 54–58.
9. Кондратюк С. В. Судебная криминологическая экспертиза занятия высшего положения в преступной иерархии // Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. 2021. № 3. С. 26–35. DOI: 10.18323/2220-7457-2021-3-26-35
10. Максимова К. А. К вопросу о содержании понятия «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии», используемого законодателем в ч. 4 ст. 210 УК РФ // Вопросы юридической науки: взгляд молодых ученых : сборник статей, посвященный 20-летию Алтайской академии экономики и права. Барнаул : Изд-во ААЭП. 2013. С. 75–81.
11. Мондохонов А. Н. Особенности уголовно-правового статуса лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 2. С. 182–184.
12. Новиков В. А., Шиян В. И. Преступное сообщество как наиболее опасная форма соучастия в преступлении: актуальные вопросы регулирования ответственности и толкования оценочных признаков // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2021. № 2. С. 60–65.
13. Топильская Е. В. Об особенностях составов преступлений, предусмотренных статьями 210 и 210.1 УК РФ Уголовного кодекса Российской Федерации // Криминалистика. 2020. № 2. С. 60–65.
14. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учебник / под ред. проф. И. Э. Звечаровского. Москва : Проспект, 2020. 685 с.
15. Хлебницына Е. А., Шершакова Е. К. Занятие высшего положения в преступной иерархии: проблемы теории и практики // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 4. С. 132–137. DOI: 10.24411/2073-0454-2020-10213
16. Шиков А. А. Проблемы дефиниции занятия высшего положения в тюремной иерархии // Ius Publicum et Privatum. 2021. № 3 (13). С. 81–85. DOI: 10.46741/2713-2811-2021-3-81-85
17. Якушева Т. В. Уголовная ответственность преступных авторитетов: новеллы законодательства // Уголовное право. 2019. № 3. С. 85–90.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 15.03.2024.

Дата рецензирования статьи / Revised: 25.04.2024.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 15.07.2024.